

середины XVIII века / И. З. Серман // Из истории литературных отношений XVIII - XX веков. – М.:Л., 1959. – С. 82-95.

7. Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века / В. И. Федоров. – М., 1979. – 156 с.
8. Marana J. Letters writ by a Turkish spy, who lived five and forty years undiscovered At Paris: giving an impartial account to the Divan at Constantinople, of the most remarkable transactions of Europe: and discovering several intrigues and secrets of the Christian courts (especially of that of France) / J. Marana [Continued from the year 1637, to the year 1682. Written originally in Arabick, translated into Italian, from thence into English, and now published with a large historical preface and index to illustrate the whole. – 26 ed.]. – V. VI. – London, 1770.

Стаття надійшла до редакції 10 листопада 2012 р.

О. В. Чубукіна

РОМАН Ф. ЕМІНА «МІНЛИВА ФОРТУНА, ЧИ ПРИГОДА МІРАМОНДА» І ЄВРОПЕЙСЬКІ БЕСТСЕЛЕРИ XVIII СТ.

У статті здійснено спробу порівняльного тематико-мотивного аналізу роману Ф. А. Еміна «Мінлива Фортуна, чи Пригода Мірамонда» і романів Дж. Марани і А. Прево в контексті встановлення змістовно-композиційних перекличок, що свідчать про наявність полемічної складової в діалозі європейських національних літератур в XVIII столітті.

О. Chubukina

NOVEL BY F. EMIN «FORTUNE INCONSTANT, OR THE PEREGRINATIONS OF MIRAMOND» AND EUROPEAN BESTSELLERS OF XVIII A.

The article undertakes a comparative motive analysis of F. A. Emin's novel «Fortune Inconstant, or the Peregrinations of Miramond» and the novels of Dzh. Marana and A. Prevost in the context of establishing content correspondences, which indicate the presence of a polemical component in the dialogue among national European literatures in the XVIII century.

УДК 821.161.1

И. Е. Шишкина

**РУССКИЙ РОМАН-ФЕЛЬЕТОН В 60-Х ГОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ:
«ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРУЩОБЫ» В. В. КРЕСТОВСКОГО**

В статье рассматривается произведение В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» как роман-фельетон. Автор приходит к выводу, что «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского несут в себе признаки романа-фельетона, ориентированного на вкусы массового читателя, и сочетающего в себе два начала – «высокое», поднимающее серьезную и глубокую философскую проблематику, и «развлекательное», имеющее целью привлечь читателя к этой проблематике, сделать ее более понятной и доступной.

Ключевые слова: В. В. Крестовский, «Петербургские трущобы», массовая литература, роман-фельетон.

Жанр романа-фельетона зародился во Франции в 30-годы XIX века вместе с возникновением периодических изданий и пользовался огромной популярностью на

протяженні всього століття. Фельетоном по-французки називається не сатиричний жанр, як в руському мові, а будь-яка постійна, продовжується з номера в номер журнальна або газетна рубрика. В роки Іюльської монархії (1830-1848 гг.) паризькі газети стали для привертання читача друкувати в якості такого «фельетона» романи з продовженням. Не кожен роман для цього підходив: вимагалося розгалужений і захоплюючий авантюрний сюжет, простий і доступний стиль оповіщення, особлива композиційна техніка – текст розбивався на глави, кожна з яких повинна обриватися на «самому цікавому місці» (щоб читач з нетерпінням чекав продовження в наступному номері), назви кожної глави повинні були бути яскравими і інтригуючими.

Частіше за все роман-фельетон «розглядається лише як деяка форма публікації творів безотносно до їх поезики» [1, с. 12], як велике літературне творіння, розбите на фрагменти, публікувалося в газетних «подвалах» першої стрічки на протязі довгого часу. На перший погляд, фельетонна структура необхідна тільки для того, щоб привертати читача, забезпечити комерційний успіх – купівлю наступного випуску журналу або газети. Однак так вийшло, що форма спровокувала створення нових жанрових канонів.

За метким зауваженням М. Е. Теренти, роман-фельетон характеризується «естетикою актуальності» [2, с. 165]: в такому творі обов'язковим є «відношення документальності і вигаданості, відомості фактів, обставин, подробиць – історичних, соціальних, фінансово-економічних, – і фантастичності» [1, с. 12]. Автор при цьому «копіює реальність, зберігає референціальність письма, як письменник – ставить цю реальність в контекст художнього вигадки, творить, а не безпосередньо «відображає», звертається до області не ідеально прекрасного, а повсякденного» [3].

Між автором і читачем роману-фельетона здійснюється «комунікація в режимі сучасного часу» [4]. Саме так створюється світ самого відомого твору В. В. Крестовського роману «Петербурзькі тюрми», на що в свій час звернула увагу Г. Н. Кудрявцева: «Роман "Петербурзькі тюрми" написаний за законами фельетонного жанру і оснований на поєднанні вигадки з реальними життєвими фактами» [5, с. 10]. І дійсно, явно вигадана історія князів Чечевинських і Шадурських розвивається на фоні реальної топографії і соціально-життєвої реальності Санкт-Петербурга 60-х років XIX століття. Тут представлені реальні петербургські вулиці, будинки, типи. Письменником розкривалися злободнівні теми, хвилювали публіку в ті роки, – зростання революційного руху (арешт за політичними мотивами Бероєва); критика поклоніння іноземцям (тема єзуїта Вільмена), скептичне ставлення до філантропії (оповідання про філантропів з вищого світу); сатиричне зображення лікарняних порядків (глава «В лікарні»), моралі і звичаїв в'язниці (четверта частина «З'явилися»). Герої роману роздумують про сільському кулацтві (глава «Історія Рамзи»), Бероєви їздять до Америки, яка представлялася їм демократичним райом, ув'язнені читають вірші Полежаєва і Некрасова, прозу Достоєвського.

Іншою важливою рисою будь-якого роману-фельетона є «його фрагментарність, розбитість на певні фрагменти», яка має своєю метою підтримувати «цікавість читача, одночасно задовольняючи (частково) його очікування і обманюючи їх» [1, с. 12-13]. Особливістю романної структури є те, що навіть «назви глав в романі-фельетоні не резюмують дію і не стільки пояснюють його зміст, скільки підігрівають інтерес, названа і виділена глава може не мати єдності, а названий епізод може бути автономним оповіданням всередині основного оповіщення» [1, с. 14].

Так, например, в главе «Два невинных подарка» речь идет отнюдь не о невинных подарках, а о том, что Юлия Борова узнала о своей беременности и о том, что казавшаяся ей сном, галлюцинацией сцена изнасилования «была голая действительность, дело гнусного обмана, коварная ловушка, западня, в которую, когда потребуется, ловила честных женщин генеральша фон Шпильце» [6, т. 1, с. 193]; в главе «Бессонница» идет повествование о том, как Морденко ночью после того, как представил к взысканию векселя Дмитрия Шадурского, «уничтожил его в своем воображении, видел его ползающим у своих ног, вымаливающим прощения, пощады, и злобно наслаждался этими воздушными замками» [6, т. 2, с. 269]. Как отдельные произведения могут быть рассмотрены главы «Дядин дом», «Тюремный день», «Филантропки» и многие другие.

Все перечисленные особенности романа-фельетона явно связаны с канонами авантюрной литературы. Точнее, он может выполнять поставленные перед ним задачи только в том случае, если доминирующей стихией в нем будет именно стихия авантюры, а сам он одновременно с канонами фельетонного жанра реализует в себе каноны авантюрного жанра.

Д. Д. Благой, утверждает, что в противовес ставшему бульварным авантюрному роману, «в XIX в. <...> выдвигается решительно на первое место реальный роман» [7, с. 9], имея в виду, вероятно, произведения Ф. М. Достоевского. Однако остается непонятным, как это мнение согласуется с утверждением о том, что «Достоевский умел придать всем своим произведениям острый сюжетный интерес, следуя в этом авантюрному роману» [5, с. 116]. И это – яркое воплощение общей романной поэтики XIX столетия: «Грань между приключенческой литературой и серьезной так условна, что переходить ее в обоих направлениях «творцам» гораздо проще, чем не переходить; так неосознано, что иные, нацелившись на серьезное, пишут – и сами того не ведая – приключенческое, а другие, взявшись за приключенческое, неожиданно для себя разрешаются серьезным» [8, с. 306]. Более того, следует сказать, что авантюрно-приключенческая стихия охватывает русскую литературу именно в середине – конце XIX века, то есть именно в то время, когда жил и творил В. В. Крестовский.

Все это характерно и для романа В. В. Крестовского, который взялся за перо не в последнюю очередь еще и для того, чтобы изложить если не философские, то социологические и политические свои взгляды и убеждения. Он писал: «Если книга эта заставит читателя призадуматься о жизни и участи петербургского бедняка и отверженной парии – трущобной женщины; если в среде наших филантропов и в среде административной он возбудит хотя малейшее существенное внимание к изображенной мною жизни, я буду много вознагражден сознанием того, что труд мой, **кроме развлечения для читателя, принесет еще и частицу существенной пользы**» (выделено нами – И. Ш.) [6, т. 1, с. 10]. Симпатией и состраданием к париям и униженным петербургских трущоб проникнуты многие авторские отступления. Не раз мы слышим такие, например, слова писателя: «Боже мой, на него и взглянуть невозможно без сжимающего душу сострадания!» [6, т. 2, с. 323]; «У меня невольно сжалось сердце за этого ребенка, за эту жизнь» [6, т. 2, с. 328].

Все действие романа разворачивается на фоне обычной реальной повседневности. При этом автор косвенно указывает на обыденность антуража необычных, зачастую трагических событий: «Да, милостивые государи, живем мы с вами в Петербурге долго, коренными петербуржцами считаемся, и часто случалось нам проезжать по Сенной площади и ее окрестностям, мимо тех самых трущоб и вертепов, где гниет падший люд, а и в голову ведь, пожалуй, ни разу не пришел вам вопрос: что творится и делается за этими огромными каменными стенами?» [6, т. 1, с. 7]. Как видим, сам В. В. Крестовский, конечно же, неосознанно вводит в свое авторское слово параметры

существования авантюристичности, совпадающие с параметрами появления приключенческих сюжетов в творчестве Ф. М. Достоевского.

Как уже говорилось выше, авантюристичность в разное время реализовывала себя в разных жанровых разновидностях – в приключенческом романе, готическом романе, социально-бытовом романе и т.д.

В. В. Крестовский, как и его предшественник – Э. Сю, сделал доминантой своего произведения социально-авантюристичное начало. Однако, во-первых, в рассматриваемый нами период чистых жанров уже не существует – они сливаются в единый полижанровый конгломерат, а во-вторых, основанием для существования такого конгломерата становится то, что авантюристичные жанровые доминанты остаются общими для всех упомянутых (и не упомянутых) разновидностей авантюристичности. Вернее, существуют как общие, так и частные жанровые черты у всех разновидностей авантюристичного романа, которые реализуются в той или иной мере в любом «бульварном» и «серьезном» (реальном) произведении.

Жанр романа-фельетона предъявлял особые требования к автору: его роман должен был развиваться последовательно и динамично; каждая глава должна была содержать в себе развязку одной и завязку другой тайны, названия каждой главы должны были быть броскими и привлекательными, чтобы любой читатель сначала захотел купить листок, а потом захотел бы покупать продолжение. Все это в полной мере относится к В. В. Крестовскому.

Событийную основу его романа составляют захватывающие приключения, повествование насыщено действием, развивается стремительно, для него характерны неожиданные повороты сюжета и пересечение нескольких сюжетных линий. Автор сводит и сталкивает персонажей между собой, ставит своих героев в различные положения, раскрывающие и провоцирующие их. В романе В. В. Крестовского активно пересекаются и взаимодействуют сюжетные линии, связанные с жизнью и авантюрами Наташи и Бодлевского, Сержа Коврова и графа Каллаша, семьи Шадурских и их внебрачных детей, людей, связанных как с Шадурскими, так и с их детьми и т.д.

Для «Петербургских тайн» характерен и эффект неожиданности, который позволяет автору как можно дольше удерживать внимание читателя. Движущими элементами сюжета «Петербургских трущоб» являются разнообразные совпадения и узнавания, которые вносят в роман мощную мелодраматическую струю: оставленная своим возлюбленным князем Шадурским, Анна Чечевинская, мать Маши Поветиной, идет к ростовщику, чтобы заложить последнюю оставшуюся у нее вещь – золотой крестик. Этот заклад – начало состояния ростовщика Морденко, копящего деньги, чтобы отомстить именно князю Шадурскому за пощечину, полученную за адюльтер с женой последнего. Маша Поветина спасает от издевательств Луки Летучего Ивана Вересова, не догадываясь, что оба они принадлежат по крови к князьям Шадурским. О том, что проститутка Чуха – его сестра княжна Анна Чечевинская – так же случайно узнает граф Каллаш, он же князь Николай Чечевинский. Анна же Чечевинская случайно находит свою дочь – Машу Поветину. Кстати, во времена В. В. Крестовского «поэтика случая» проникает и в так называемый «серьезный роман», но получает в нем новую интерпретацию: «В романе элемент случайного выступал как отрицание жесткой закономерности течения жизни» [9, с. 14].

Как и любой роман-фельетон «Петербургские трущобы» насыщены различными тайнами. Уже завязка «Петербургских трущоб» основана на «семейной тайне», которая осложняется детективными мотивами. В центре повествования история молодых людей, которые не знают либо обоих (Маша Поветина), либо одного (Иван Вересов) из своих родителей и воспитываются у чужих людей.

Маша, одна из главных героинь «Петербургских трущоб», незаконнорожденная

дочь княжны Анны Чечевинской и князя Дмитрия Шадурского. Сам факт её незаконного происхождения предопределяет наличие тайны в её судьбе, мытарства, которые готовит ей судьба: от приемных родителей ее забрала генеральша фон Шпильце и отдала в руки младшему Шадурскому, который обольстил и бросил сводную сестру, даже не подозревая об этом родстве (еще одна тайна). На протяжении всего романа, судьба неожиданно для неё самой сталкивает Машу с ее родственниками: сводным братом Владимиром Шадурским, матерью Чухой – княжной Анной Чечевинской. Тайна разрешается в самом конце романа. Анна Чечевинская выведала у Дмитрия Шадурского, что тот отдал их ребенка генеральше фон Шпильце, выдав его за подкидыша. Граф Каллаш и Чуха находят Машу в публичном доме и раскрывают девушке «семейную» тайну. Но уже поздно – она умирает на руках матери от чахотки.

Иван Вересов – герой, с которым связано развитие еще одной линии романа, – незаконнорожденный сын княгини Шадурской и управляющего делами князей Шадурских Осипа Захаровича Морденко. Но матери он не нужен, а отец отдает его на воспитание жестокому майору Спице. В детстве Иван очень страдал от того, что не знал, кто его мать, но знакомство с нею стало, наверно, главным его разочарованием. Конец его жизни так же трагичен, как и конец жизни Маши, более того – их смерти связаны. Маша некогда помогала Ивану. Он был влюблен в нее, хотел ее найти и отблагодарить за ее доброту. Однако девушка к тому времени уже умерла. Ваня, узнав об этом, покончил с собой.

К центральной тайне добавляются второстепенные и побочные тайны, тоже раскрываемые в финале. Тайною, например, есть судьба проститутки Чухи. Только в конце «Петербургских трущоб», в главах «Кто была Чуха» и «Каким образом княжна Анна сделалась Чухой» мы узнаем, что проституткой стала княжна Анна Чечевинская, которая появилась уже в первых главах романа, и начало ее горестной судьбы описано в них достаточно подробно. Причиной всех ее мытарств была связь с князем Дмитрием Шадурским. Потеряв свою незаконнорожденную дочь, «княжна Анна стала развратной женщиной» [6, т. 2, с. 567]. Еще одним из важных персонажей романа является венгерский граф Каллаш, появившееся во второй части романа «новое лицо с аристократическим именем» [6, т. 1, с. 167]. Его жизнь окутана тайной. Только в одной из последних глав «Петербургских трущоб» «Кто был граф Каллаш» мы узнаем, что это родной брат Чухи, дядя Маши Поветиной – князь Николай Чечевинский. И это не все тайны – баронесса фон Дерринг оказывается сбежавшей с литографским учеником горничной княжны Анны, крепостной девицей Натальей Павловой; ее любовник, выдаваемый ею за брата, Ян Владислав Карозич – литографским учеником, польским уроженцем Казимиром Бодлевским и т.д. Итак, как и готический роман, роман В. В. Крестовского представляет собой именно конгломерат «тайн». При этом, как и в готическом романе, раскрытие тайн откладывается до самого финала.

Таким образом, «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского несут в себе признаки романа-фельетона, ориентированного на вкусы массового читателя и сочетающего в себе два начала – «высокое», представляющее на суд читателя серьезную и глубокую философскую проблематику, и «развлекательное», имеющее целью привлечь читателя к этой проблематике, сделать ее более понятной и доступной.

Список использованной литературы

1. Пахсарьян Н. Т. Читатель и писатель во французском романе-фельетоне XIX века / Н. Т. Пахсарьян // Филология в системе современного университетского образования : материалы межвузовской научной конференции, 22-23 июня 2004 года. – Вып. 7. – М., 2004. – С. 12-17.
2. Thérenty M.-E. Mosaïques : être écrivain entre presse et roman. (1829-1836) / Marie-Ève Thérenty. – Paris : Champion, 2003. – 735 p.

3. Thérenty M.-E. Contagions: fiction et fictionalisation dans le journal autour de 1830 / Marie-Ève Thérenty // Fabula.Org. – 2000. – Режим доступа: <http://www.fabula.org/forum/colloque99/PDF/Therenty.pdf>.
4. Couégnas D. Fictions. Enigmes. Images / D. Couégnas – Limoges : Pulim, 2001. – 226 p.
5. Кудрявцева Г. Н. «Петербургские трущобы» Вс. Крестовского в литературной борьбе 60-х годов : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Г. Н. Кудрявцева. – М., 1977. – 16 с.
6. Крестовский В. В. Петербургские трущобы : в 2 т. / В. В. Крестовский. – Т. 1. – М. : АСТ, 2000. – 608 с.; Т. 2. – М. : АСТ, 2000. – 607 с. – (Русская классика).
7. Благой Д. Авантюрный роман / Д. Благой // Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов : в 2-х т. – М.; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 1 : А-П. – Стб. 3-10.
8. Вулис А. В мире приключений. Поэтика жанра / А. Вулис. – М. : Советский писатель, 1986. – 383 с.
9. Шатин Ю. В. Типология и эволюция сюжета в русском романе второй половины XIX века : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. : 10.01.01. «Русская литература» / Ю. В. Шатин. – Ленинград, 1976. – 22 с.

Стаття надійшла до редакції 24 жовтня 2012 р.

I. Шишкіна

**РОСІЙСЬКИЙ РОМАН-ФЕЙЛЕТОН У 60-Х РОКАХ XIX СТОЛІТТЯ:
«ПЕТЕРБУРЗЬКІ НЕТРИ» В. В. КРЕСТОВСЬКОГО**

У статті розглядається твір В. В. Крестовського «Петербургські нетри» як роман-фейлетон. Автор приходить до висновку, що «Петербургські нетри» В. В. Крестовського несуть в собі ознаки роману-фейлетону, орієнтованого на смаки масового читача, і поєднують в собі два начала – «високе», що піднімає серйозну і глибоку філософську проблематику, і «розважальне», що має на меті залучити читача до цієї проблематики, зробити її більш зрозумілою і доступною.

I. Shishkina

**RUSSIAN NOVEL-FEUILLETON IN THE 60TH YEARS OF THE XIX
CENTURY: «PETERSBURG SLUMS» BY V.V. KHRESTOVSKY**

In this article the work by V.V. Khrestovsky «Petersburg slums» is analyzed as feuilleton-novel. The author concludes that «Petersburg slums» by V.V. Khrestovsky includes distinctive features of feuilleton-novel which is catered for the general reader and combines two principles – «exalted» one brings up serious and deep philosophic problems, and «amusing» one is purposed to attract the reader to this subject, make it more understandable and accessible.